

УДК 94(57)
ББК 63.3(2Рос)

А. В. ШАЛАК
*доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ СОВЕТСКИХ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ В 1940–1950-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

Накопление социальных благ и привилегий остается одной из наименее исследованных тем в отечественной историографии. В то же время изучение социального статуса руководящих работников представляет интерес для специалистов в области исторической социологии и психологии, политологов. Именно в обозначенный хронологический период произошло официальное закрепление статуса руководящих кадров в системе распределительных отношений (постановление СНК СССР от 12 июля 1943 г.). Научным дискурсом публикации является исследование социального положения руководящих кадров советского общества на примере Восточно-Сибирского региона. На основе тщательного изучения архивных источников автором статьи сделаны следующие обобщения: социальный статус руководящих работников определялся их местом в системе управления; основное влияние на социальные различия оказывало теневое перераспределение продуктов и товаров; исследованы и определены основные каналы перераспределения вне официально установленных норм; отмечено, что партийно-советские, хозяйственные руководящие и командные кадры, отнесенные к третьей группе руководящих работников, имели различные каналы приобретения льгот и привилегий в распределительных отношениях; а также вывод о том, что различия в социальных статусах в 1940-е гг. имели более отчетливый характер только на уровне немногочисленной прослойки высших партийных, советских и хозяйственных руководителей и касались продовольственного и отчасти промтоварного снабжения.

Ключевые слова: распределительная система; руководящие кадры; снабжение; социальные различия.

A. V. SHALAK
*Doctor habil. (Historical Sciences), Professor,
Baikal State University of Economics and Law*

SOCIAL STATUS OF THE SOVIET MANAGERIAL PERSONNEL IN 1940–1950s (BY THE EXAMPLE OF EAST SIBERIAN EXPERIENCE)

The least studied issue in the domestic historiography is an accumulation of social benefits and social privileges. At the same time, the status of managerial personnel is of special interest for the researchers of historic sociology and psychology, and for politologists. In 1940–1950s the official status of the managerial personnel was officially formalized in the system of distribution relations (Resolution of The Council of People's Commissars of the USSR, July 12, 1943). The article studies social status of the Soviet managerial personnel by the example of East Siberian region. Having scrutinized archival sources, the author summarizes the following: social status of the managerial personnel was determined by the person's place in the management system; shadow food and goods distribution had the main influence on social differences; the key channels of redistribution outside the officially accepted standards have been studied and described; the Party-Soviet and economic managerial personnel qualified as the third group of managerial staff had different channels of getting benefits and privileges in distribution relations; the differences in social statuses in 1940s were much clearer only at the level of small social group of senior Party, Soviet and economic executives and these differences reflected in food supply and, partly, in manufactured goods supply.

Keywords: distribution system; managerial personnel; supply; social differences.

Во все времена исключительный интерес вызывает материальное положение представителей власти. Деньги, власть, льготы и привилегии тесно связаны и, как правило, вокруг этой сферы циркулирует множество домыслов, откровенных спекуляций и манипулирования фактами. Особенно это касается советского периода отечественной истории. Поэтому обращение к этой теме актуально, исторические исследования помогут восстановить пробел в историографии, который, несомненно, имеет место применительно к данной проблеме.

Параметры социальной дифференциации в исследуемый период задавались политическим руководством страны, однако множество побочных причин и явлений достаточно весомо влияли на отклонение от официально провозглашенных целей и показателей. Скрупулезное изучение архивных данных позволяет выявить основные каналы приобретения социальных благ в годы войны и восстановительный период. Большинство из них были обусловлены особенностями мобилизационного развития, характером политического режима, порождены экстремальными условиями жизни. При этом особенность социальных различий заключалась в том, что даже незначительное увеличение материальных благ вне официально установленных норм приобретало весьма контрастный характер на фоне низкого уровня жизни всего населения. Тотальная мобилизация ресурсов на индустриализацию с начала 1930-х гг. вела к их изъятию из потребительского сектора. Денежное стимулирование имело место, но полноценного материального обеспечения не находило из-за острейшего дефицита товаров и продуктов. Остающиеся ресурсы могли распределяться в целях воспроизводства рабочей силы. На это настраивались и социокультурные факторы, в силу которых данная ситуация не воспринималась как аномальная для основной массы советских граждан. В этих условиях в наиболее благоприятном положении оказались различные группы номенклатурных работников. Обладание властными полномочиями в силу особенностей мобилизационного развития открывало перед его отдельными представителями возможность приобретения материальных благ вне официально установленных норм.

Официально статус руководящих работников в распределительных отношениях установ-

ливался постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. Все руководящие кадры делились на три категории. К первой категории относились руководители краевых, областных, окружных и городских партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, первые секретари райкомов партии и председатели райисполкомов. Они обеспечивались карточками по группе рабочих особого списка, литературными обедами и сухими пайками. Ко второй группе были отнесены руководящие работники краевых, областных, окружных, городских партийных, комсомольских, советских, профсоюзных организаций, секретари сельских райкомов партии. К третьей категории снабжения относились все остальные руководящие работники. В общей массе населения это были небольшие по численности группы. По Красноярскому краю к первой категории был отнесен 421 чел., ко второй — 770, к третьей — 806¹, т. е. всего 1 997 чел. В Иркутской области соответственно 413, 1 162, 1 561 чел.² или всего 3 136. За годы войны количество руководящих работников в области, получающих литературное снабжение по первой и второй группе, увеличилось незначительно, с 1 557 до 1 998 чел. в 1946 г.³

Руководящие работники, отнесенные к третьей группе снабжения, получали, в сравнении с первой группой, почти в три раза меньше мясных и рыбных продуктов, жиров, в два раза меньше круп и макарон, почти в четыре раза меньше сахара и кондитерских изделий. Такие продукты, как сухофрукты, молоко, чай, яйцо и некоторые другие, им не выделялись вообще. Нормы снабжения руководящих работников третьей группы мало чем отличались от норм рабочих особого списка.

На уровне официальных норм потребления для руководящих работников с учетом характера их труда и уровня ответственности нельзя утверждать о наличии радикальных социальных различий между представителями номенклатуры и основной массой населения. При этом решение центральных

¹ Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 26. Оп. 4. Д. 54. Л. 214.

² Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 14. Д. 275. Л. 23.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 154. Л. 48.

органов власти лишь закрепляло то официальное положение руководящих работников в системе распределения, которое к этому времени фактически сложилось. Постановление СНК СССР в середине 1943 г., таким образом, венчало определенный процесс, узаконивая и в то же время ставя под контроль снабжение номенклатурных работников. В дальнейшем добавлялись лишь новые нормы. Кроме централизованного снабжения были введены дополнительные нормы питания с выдачей второго горячего питания, обедов руководящим работникам через специальные столовые и буфеты, установленные постановлением СНК СССР от 17 сентября 1942 г. С 1 февраля 1944 г. для руководящих партийных работников по статье «Бытовое обслуживание» вводились бесплатные завтраки. По распоряжению СНК СССР от 27 февраля 1946 г. для них вводятся карточки дополнительного горячего питания (литер «Б»). Обеспеченность по предоставленным льготам была весьма высокой, поскольку даже в голодном 1946 г. руководители ряда предприятий и организаций, имея избыток талонов на второе горячее питание, расходовали их на проведение различных вечеринок¹.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г. для руководящих работников вводилось и снабжение промышленными товарами по двум категориям, т. е. более ограниченное, чем снабжение продуктами питания. По Бурят-Монгольской АССР к первой группе снабжения было отнесено всего 44 чел.²; в Красноярском крае — 69 чел.³

Для обеих групп устанавливались порядки и лимиты снабжения промышленными товарами без карточек. Для руководителей первой группы в Красноярском крае на второе полугодие 1943 г. он определялся в размере 1 тыс. р., второй группы — 750 р. Через три года численность этой группы значительно расширилась. В 1946 г. лимитные книжки на промышленные товары уже имели 376 руководителей. Однако даже заведующие отделами городского комитета партии и горисполкома их не получали. По просьбе

крайкома ВКП(б) союзное министерство торговли выделило еще 100 лимитных книжек⁴. Таким образом, количество обладателей лимитных книжек на промышленные товары меньше чем за три года увеличилось почти в семь раз, тем не менее, данная практика распространялась лишь на самый высший слой региональной номенклатуры.

После отмены карточной системы снабжения официальный статус высших номенклатурных работников закреплялся выплатой соответствующего денежного довольствия. С 1 января 1948 г. постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) руководящим советским и партийным работникам устанавливалась выдача дополнительно к получаемой ими заработной плате денежного довольствия в размере от двух до трех должностных окладов в месяц. По Иркутской области был составлен список, в который вошли только первые лица областных партийных, советских органов Иркутска и округа, а также руководители областных управлений — всего 61 чел. При этом секретарям областного комитета партии и председателю облисполкома дополнительное денежное довольствие было определено в три месячных оклада, а остальным — в два⁵. Таким образом, после отмены карточной системы официальный статус руководящих кадров в рамках распределительной системы был дефакто утрачен. Компенсация в форме денежного вознаграждения касалась только самого высшего слоя региональной номенклатуры.

Узаконенные нормы снабжения в рамках распределительной системы фиксировали и придавали официальный статус социальным различиям в советском обществе. Статус имел иерархический характер и определялся местом в системе управления. При этом официально провозглашаемые нормы социальных различий не носили радикального характера, их можно признавать вполне разумными с учетом интенсивности труда и меры личной ответственности руководителей. Они имели отношение к незначительной прослойке населения, носили закрытый характер, т. е., хотя и были установлены, но официально не оглашались и, следовательно, основной массой населения могли восприниматься как привилегии.

¹ Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 159. Оп. 7а. Д. 153. Л. 7; Ф. 199. Оп. 3. Д. 136. Л. 26; Ф. 127. Оп. 14. Д. 272. Л. 156–157.

² Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3941. Л. 40.

³ ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 4. Д. 54. Л. 218.

⁴ Там же. Л. 219; РГАСПИ. Ф. 27. Оп. 122. Д. 154. Л. 48, 51, 53.

⁵ Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 14. Д. 572. Л. 260–262.

Однако наряду с официально установленными нормами имело место теневое перераспределение продуктов и товаров, т. е. вне установленных норм. Без анализа этого аспекта проблемы вряд ли удастся представить зримо статусные отличия в положении социальных групп. Жизненные шансы различных групп руководителей зависели не только от нахождения на той или иной ступени вертикально выстроенной иерархической системы власти, но и от профессиональной близости к непосредственным каналам распределения или производству продуктов питания и товаров первой необходимости. А ближе к этому были категории работников, отнесенные к третьей группе. Поэтому невысокие официальные нормы снабжения данной категории руководящих кадров в значительной степени компенсировались посредством теневого перераспределения продуктов и товаров.

Анализ архивных документов позволяет аргументировать тезис о том, что теневое изъятие продуктов и товаров и их перераспределение с целью личного присвоения играло для значительной части руководящих кадров большую роль, чем официальные нормы. В этом отношении в самом предпочтительном положении оказывались руководящие кадры торговли, общепита, руководители предприятий, имеющие подсобные хозяйства, и те, кто имел отношение к остродефицитным товарам и влиял на их распределение (топливо, билеты на железнодорожный транспорт и пр.). Статус последних в силу этого существенно повысился. Формально они находились в среднем или низшем звене административных руководителей, но их фактическое влияние и возможности выходили за рамки официально обозначенной группы.

На основе изучения архивных документов можно сделать следующие выводы о каналах теневого перераспределения товаров и продуктов. Для руководящих работников партийных и советских органов областного и городского звена теновым источником извлечения материальных благ являлись фонды госбюджетных организаций (детские учреждения, больницы, школы и др.), а также предприятий, имеющих более богатые фонды (как правило, угледобычи, золотодобычи). Например, в июне–августе 1943 г. для работников обкома партии закупили на 120 тыс. р. товаров, которые были предназначены для снабжения рабочих,

занятых непосредственно на добыче золота в Бодайбинском районе¹. Весной 1946 г. для руководящих работников горкома и райкомов партии, а также исполкомов Иркутска за счет детских учреждений и больниц было сформировано 47 индивидуальных майских подарков из 13 наименований. Такие же подарки ими получались за счет детских учреждений в октябре 1945 и к Новому году².

Судя по документам, руководящие работники областного уровня вполне свободно могли распоряжаться государственными средствами. Только на одну «вечеринку» в феврале 1946 г., в которой принимали участие секретари обкома и горкома партии, начальники управления МГБ и МВД и другие руководители областных управлений Иркутской области (всего 35 чел.), было потрачено 14 тыс. р. из средств, отпущенных на выборы в Верховный Совет СССР. В итоге за период с мая 1945 по май 1946 г. на подобные «вечеринки» только из средств обкома партии растрчено 81 тыс. р.³

На уровне районов могли быть самые различные источники приобретения материальных благ. Например, в 1944 г. было принято решение о строительстве национального театра в с. Агинское (Читинская область). Строительство оценили в 1 233 тыс. р. До конца 1944 г. собрали с колхозов 274 072 р. Но колхозники работали на строительстве бесплатно, начиная с заготовки и вывозки леса. За работу им начислялись трудодни, оплачивать которые должны были за счет колхозов. А собранные с колхозов деньги руководители округа, включая первых лиц, получали по статье «расходы на командировку»⁴.

Примерно так же вольно обращались с колхозными средствами повсеместно. Весной 1944 г. по распоряжению руководителей Боханского аймака на специальный счет в аймачное отделение Госбанка с текущих касс колхозов было перечислено 2 778,7 тыс. р. «на закупку семян в колхозах Киренского района». Из этой суммы 1 112 тыс. р. руководители района перечислили на оплату облигаций третьего государственного займа,

¹ Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 29. Оп. 1. Д. 1287. Л. 42.

² Там же. Ф. 127. Оп. 14. Д. 271. Л. 42–43; Оп. 51. Д. 10. Л. 67–69.

³ Там же. Оп. 51. Д. 10. Л. 66–67.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 116. Л. 3.

85,9 тыс. р. присвоили отдельные районные руководители, на остальную сумму якобы было закуплено зерно, но в колхозы района оно почему-то так и не поступило. Этот факт, как и множество других, стал достоянием разбора лишь в 1949 г. по инициативе Полномочного представителя Совета по делам колхозов при правительстве СССР в Иркутской области¹.

Широкую практику получило прикрепление советских, партийных работников, а также членов их семей к столовым, предназначенным для других слоев населения. Как правило, на руках у них были пропуска в несколько столовых одновременно.

Если для партийно-советских работников нормы снабжения, установленные постановлением СНК СССР от 12 июля 1943 г., выделялись по линии Наркомата торговли, то для руководящих хозяйственных кадров лимиты выделялись по линии ведомств, и часто они были значительно выше, особенно для предприятий оборонного комплекса. Первые лица имели наиболее высокие нормы снабжения и единолично распоряжались фондами предприятий. Далее оставшиеся фонды распределялись по подразделениям, цехам, где ими распоряжались нижестоящие начальники, которые решали, кому и что выделить из оставшегося. В результате при полностью выделенных фондах по установленным нормам питания, регулярно получаемым фондам на дополнительное питание, рабочие завода № 39 наркомата авиационной промышленности в 1943 г. снабжались на 40–50 % от установленных норм питания. Это значит, что дополнительные фонды вообще не доходили до них. Такая же картина наблюдалась и в распределении товаров. Выделенные для рабочих товары на 50 % распределялись среди командного состава. Причем руководящий состав завода даже не оплачивал излишки продуктов на своем столе. Карточки рабочим на обед выдавались сразу на весь месяц. Оплачивались они рабочими из расчета полной нормы всех продуктов. Разница стоимости не компенсировалась².

Одним из каналов теневого перераспределения продуктов для руководителей предприятий являлась продукция подсобных хозяйств. Только за первый квартал 1946 г. управляющий

трестом «Кировуголь» получил от подсобного хозяйства сверх основного снабжения 50 кг мяса, 6 кг жиров, 18 кг меда, 9 кг сливок и другие продукты. Немногим меньше приобрели таким же образом его заместители, главный инженер, начальник ОРСа и некоторые другие руководители треста. За 1945 г. только работники аппарата «Востсибугля» получили сверх нормированных продуктов из подсобных хозяйств трестов «Кировуголь» и «Черемховуголь» 9 024 кг мяса³.

Значительная часть товаров и продуктов уходила на сторону для того, чтобы иметь доступ к другим источникам влияния. В течение всех военных лет в Иркутске было практически невозможно купить в свободной продаже билеты на пассажирские поезда. Начальник пассажирской службы распределял их в своем кабинете. Броню получали такие организации, которые не имели на это никакого права: «Маслопром», «Главконсерв», «Главмука», «Рыбатрест», «Гортоп» и т. д.⁴

Одной из форм теневого перераспределения строго фондируемых продуктов и товаров стал их отпуск по различным запискам, без карточек. По совхозу «Железнодорожник» (Иркутская область) за 1942 г. по запискам вышестоящих руководителей было продано свыше 56 т картофеля и овощей, 1,5 т мяса, свыше 42 т молока и молочной продукции. В Иркутском универмаге с 1 апреля 1943 по 1 января 1944 г. продано по запискам, письменным распоряжениям различным лицам и учреждениям 1 659 м шелка и хлопчатобумажных тканей, 191 пара различной обуви и др. На рынке г. Иркутска обнаружено до 200 записок на вино, спички, соль, керосин и другие товары, написанных только заведующим райторготделом Иркутского района и председателем райпотребсоюза за неполные полгода⁵. Однако нельзя утверждать, что все записки имели отношение только к руководящим кадрам, поскольку в данном документе подчеркивается лишь характер нецелевого использования имеющихся ресурсов. В ряде районов Бурят-Монгольской АССР поступающие в сельпо

² Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 14. Д. 17. Л. 1–24.

³ Там же. Д. 308. Л. 11–35, 52, 70–76.

⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 7. Д. 178. Л. 12.

⁵ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 785. Л. 25; Оп. 14, Д. 82. Л. 8.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2816. Оп. 1. Ед.хр. 13. Л. 9.

и райпотребсоюзы товары сразу делились среди узкого круга лиц по списку, по запискам. В Наркомате пищевой промышленности республики в годы войны под руководством наркома и его первого заместителя было расхищено материальных ценностей на сотни тысяч рублей, а некоторые предприятия были превращены в подобие частных лавочек¹.

Для руководящих работников районного звена основным каналом незаконного приобретения продуктов и товаров являлась продукция колхозов. Если мелкие руководители занимали продукты под запись в долг или частично расплачивались (конечно, не по рыночным ценам), то первые лица иногда просто брали, требуя списать затем эти продукты за счет колхозов. В Бурят-Монгольской АССР задолженность колхозам за годы войны (только зарегистрированная) от частных лиц и организаций составила около 20 млн р.² Когда после войны началась кампания по выправлению нарушений Устава сельскохозяйственной артели, то по Читинской области только за три последних месяца 1946 г. возвратили колхозникам 499 лошадей, 1 247 голов крупного рогатого скота, 3 925 овец, 31 автомобиль. По Бурят-Монгольской АССР за этот же период возвратили 558 лошадей, 3 947 голов крупного рогатого скота, 1 792 овец, три автомашины и другое имущество³.

Что же касается самого низшего административного звена в районах — председателей колхозов, то здесь основным источником улучшения материального положения являлось начисление себе трудодней за счет введения различных ставок, которые порой имели самое косвенное отношение к сельскохозяйственному производству, и за счет завышенных расценок. Только в Иркутской области с сентября до конца 1946 г. сократили по колхозам 1 973 чел. административно-управленческого персонала, которым было начислено 454 356 трудодней. При этом и нормы оплаты по трудодням административно-управленческий персонал колхозов определял для себя совершенно другие. Например, в колхозе «Улан-Цирик» (Усть-Ордынский бурят-монгольский национальный округ) такие

начисления по итогам 1946 г. составили для приближенных председателя колхоза 20–50 р. и до 10 кг хлеба на один трудодень, тогда как для рядовых колхозников они составляли соответственно 10–25 к. и 10–25 г хлеба⁴.

Однако в деревне скрыть факты прямого расхищения имеющихся продуктов было значительно труднее, чем в городах. Кроме того, руководители хозяйства несли персональную ответственность за выполнение планов по сдаче продуктов государству. Поэтому председатели колхозов выступали в то же время в роли первых лиц для наказания. Были случаи, когда в колхозах в течение года менялось по 4–5 председателей.

Еще одним каналом возможного теневого перераспределения товаров являлся сбор вещей в фонд Красной Армии, для эвакуированных, детских домов и т. д. В районные комиссии поступали от населения вещи, наличные деньги, золотые вещи и пр. Документация во многих районах велась предельно плохо и установить, сколько всего поступило и куда направлено, невозможно. Аналогичные ситуации возникли с поступающими американскими подарками для семей фронтовиков и инвалидов. В Бурят-Монгольской АССР эти подарки разворовывали сами руководящие работники республиканского Наркомата социального обеспечения. В записке уполномоченного комиссии партийного контроля при Иркутском ОК ВКП(б) Фролова на имя заместителя председателя комиссии партийного контроля при Центральном Комитете партии М. Ф. Шкирятова говорится, что вокруг этих подарков и «трофейного имущества началась самая неприкрытая спекуляция и обогащение большой группы руководящих работников. Здесь торговали коврами, пианино, столовой и чайной посудой, легковыми автомашинами. Дело началось с того, что первому секретарю обкома ВКП(б) и председателю облисполкома были подарены заграничные легковые автомобили»⁵.

Конечно, нет сомнений, что в группе руководящих кадров имелись те, кто довольствовался только официально установленными нормами снабжения, не занимался поборам с колхозов или присвоением ордеров на

¹ НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3935. Л. 31; Д. 4324. Л. 22.

² Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1647. Л. 6.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 806. Л. 27–28; Д. 725. Л. 11.

⁴ Центр документов новейшей истории Иркутской области. Ф. 127. Оп. 14. Д. 309. Л. 59; ГАИО. Ф. Р-2816. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 3.

⁵ НАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4324. Л. 24.

товары, предназначенные для рядовых тружеников. Однако очень мало свидетельств о том, что они солидарно выступали против внутрисистемных привилегий и теневого перераспределения товаров и услуг.

Различие в социальных статусах руководящих кадров и рядовых тружеников проявляется и в мерах наказания за действия, несовместимые с законом. В 1940-е гг. за кражу личного и, тем более, государственного и общественного имущества предусматривались очень жесткие меры наказания. Изученные документы фондов прокуратуры Восточно-Сибирской железной дороги, прокуратуры Восточно-Сибирского водного бассейна и некоторых областных прокуратур свидетельствуют о том, что по отношению к простым гражданам меры наказания применялись чаще всего по верхнему пределу. Например, матросы баржи № 2 Восточно-Сибирского управления речного пароходства в августе 1950 г. похитили из груза 37 банок тушенки. В итоге один матрос был лишен свободы на 15 лет, а два получили по 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Или, например, гражданин Ульянов, работающий в этом же пароходстве, похитил со склада эмблемы для головных уборов и передал своей знакомой Зуевой, работающей продавцом, для продажи. В результате Ульянов приговаривается к 20 годам в исправительно-трудовом лагере, а Зуева — к 10¹. Руководящие работники за более серьезные преступления в худшем случае получали выговор по партийной линии.

Таким образом, разнообразные архивные данные позволяют выявить отличие социального статуса «командных кадров», различные каналы приобретения ими социальных благ вне официально установленных норм и правил, а также неравенство в правах. В то

же время следует отметить, что эти отличия имеют отношение только к продовольственному и отчасти промтоварному снабжению. Практически нет никаких фактов, что подобная практика распространялась на жилищное распределение, лечебное обеспечение и пр. Поскольку злоупотребления со стороны руководящих кадров становились предметом рассмотрения органов власти, пусть и в «закрытом» режиме, нет оснований утверждать, что власть их абсолютно игнорировала. Все доступные факты по этой проблеме могут быть найдены только в решениях органов власти, прежде всего, стенограммах заседаний партийных комитетов.

Остается открытым вопрос и об удельном весе руководящих кадров, охваченных системой теневого перераспределения товаров и продуктов. На том уровне объемов наличных ресурсов вряд ли было возможным массовое одностороннее злоупотребление в сфере распределения. В противном случае не оставалось бы ресурсов для воспроизводства рабочей силы. Нельзя при этом забывать, что руководители несли персональную ответственность за выполнение планов и заданий и даже при наличии злоупотреблений с их стороны речь не шла о «коммерческом интересе». Поэтому не случайно в принятых решениях вопросы социального обеспечения касались лишь очень узкой прослойки руководящих кадров в регионах. При всех негативных последствиях, порожденных распределительной практикой, различия в социальных статусах в 1940-е гг. имели отношение к системе физиологического выживания, которая распространялась и на многочисленных руководящих кадров низшего уровня. А потому эти различия, имевшие более отчетливый характер на уровне немногочисленной прослойки высших партийных, советских и хозяйственных руководителей, не могли стать основой для массовых протестных настроений в регионе.

¹ ГАИО. Ф. 2790. Оп. 4. Ед.хр. 46. Л. 1; Ед.хр. 47. Л. 48.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: shalak-av@isea.ru.

Author

Shalak Aleksander Vasilievich — Doctor habil. (Historical Sciences), Professor, Chairholder, Department of Economic History and Political Studies, Baikal State University of Economics and Law, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: shalak-av@isea.ru.